

**St.-Petersburg State University
Institute of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of
Ancient World**

Edited by Ed.Frolov

№ 14

**St.-Petersburg
2014**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 14

**Санкт-Петербург
2014**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук А. Б. Егоров, д-р ист. наук О. Ю. Климов, д-р ист. наук О. В. Кулишова, канд. ист. наук А. Д. Пантелеев (отв. секретарь), д-р ист. наук Э. Д. Фролова (председатель), д-р ист. наук Ю. Б. Циркин, д-р ист. наук Н. С. Широкова.

Рецензенты:

Д-р ист. наук, проф. А.Ю. Прокопьев (С.-Петербург. гос. ун-т)
Д-р ист. наук, проф. М.Ф. Флоринский (С.-Петербург. гос. ун-т)

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 14. – СПб., 2014. – 516 с.
ISSN 1813-193X

Очередной выпуск альманаха «Мнемон» выходит в юбилейный для кафедры истории древней Греции и Рима и всего исторического факультета (ныне – Института истории) год. Ровно 80 лет тому назад, в 1934 г., в Ленинградском университете был учрежден, а вернее, восстановлен исторический факультет, и тогда же была создана кафедра античной истории. Основное содержание сборника построено по традиционному плану. Значительная часть статей посвящена истории древней Греции, причем исследования касаются как частных сюжетов, так и принципиальной оценки целых исторических периодов (в частности, греческой архаики). Интересные статьи публикуются по истории эллинизма и древнего Рима. Специальные разделы посвящены античной культуре, а также темам источниковедения и историографии; особо надо отметить статью, посвященную незаслуженно забытому петербургскому антиковеду К. Хилинскому.

Альманах «Мнемон» предназначается для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, а также для всех, кто интересуется историей и культурой античного мира.

Редколлегия благодарит профессора А.Х. Даудова за содействие
в подготовке и издании альманаха

ББК 63.3 (0) 32

Адрес редакции:
199134 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5,
Институт истории СПбГУ

© Авторы статей, 2014
© Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия: Источник знания в науке об античности (к проблеме формирования специалиста).....	8
<i>Фролов Э.Д.</i> Кафедра античной истории СПбГУ (к 80-летию юбилею).....	13

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Суриков И.Е.</i> (Москва). Греческая архаика как историческая эпоха: современный взгляд. Первая половина (IX-VIII вв. до н.э.).....	27
<i>Жестоканов С.М.</i> Загадочная экспедиция Фрасибула Милетского.....	51
<i>Туманс Х.</i> (Рига). Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации.....	59
<i>Строгецкий В.М.</i> (Нижний Новгород). Взаимоотношения между Спартой, Афинами и Эгиной накануне Марафонской битвы.....	95
<i>Никитюк Е.В.</i> Декрет Феозотида: к вопросу об афинских <i>nothoi</i>	109
<i>Печатнова Л.Г.</i> Древние авторы о спартанской агонистике.....	119
<i>Шарнина А.Б.</i> Проксения в межполисных отношениях Эллады.....	129

2. Эллинизм

<i>Рунг Э.В.</i> (Казань). Военно-политическая деятельность Ментора Родосского.....	143
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва). Пифон, Селевк и традиция Иеронима из Кардии.....	161
<i>Грушевой А.Г.</i> Два почетных декрета в честь Антиоха I (280-261 гг. до н. э.) (OGIS, 219, 222).....	171
<i>Нефедкин А.К.</i> Традиции военного дела эпохи Ахеменидов в Сасанидском Иране.....	185

3. Рим

<i>Кудрявцева Т.В.</i> Корнелиев закон и процесс Клуенция: магия in latenti.....	193
<i>Вержбицкий К.В.</i> Падение Сеяна (а был ли заговор?).....	203
<i>Портнягина И.П.</i> (Тверь). Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика).....	211

<i>Смирнова Е.Л.</i> (Петрозаводск). Гражданские войны 68-69 гг. и римский сенат.....	223
<i>Циркин Ю.Б.</i> Начало конца Западной Римской империи.....	231

4. Культура и религия античного мира

<i>Кулишова О.В.</i> Хор в древнегреческой драме: социально-политический контекст.....	253
<i>Пантелеев А.Д.</i> Маска в религиозной жизни древней Греции.....	259
<i>Светлов Р.В.</i> Платоновская концепция истории.....	277
<i>Васильев А.В.</i> К вопросу о времени появления маски в римском театре.....	291
<i>Дуров В.С.</i> Гастрономический опыт Горация.....	301
<i>Широкова Н.С.</i> К вопросу о романизации Британии: римский Марс и его британские эквиваленты.....	313
<i>Марков К.В.</i> (Нижний Новгород). Специфика употребления и смысловое содержание понятия <i>δημοκρατία</i> в сочинениях греческих авторов Второй софистики.....	337

II. Источниковедение и историография

<i>Карпюк С.Г.</i> (Москва). Взгляды Ксенофонта на патриотизм.....	347
<i>Скржинская М.В.</i> (Киев). Сочинения боспорских и херсонесских историков.....	357
<i>Звагольская А.К.</i> Об одном пассаже Кальпурния (Calp. VII, 57-72).....	377
<i>Данилов Е.С.</i> (Ярославль). Военные глоссы Веррия Флакка.....	387
<i>Дымская Д.Д.</i> Римский политик в трактовке Нового времени: образ Катилины в трагедии Бена Джонсона.....	395
<i>Тункина И.В.</i> Академик Е.Е. Кёлер о Березани, Ольвии и ольвийской периферии в дневнике экспедиции Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1821 г. по Новороссийскому краю.....	407
<i>Крульчик Ки.</i> (Познань). Константин Хилинский (1881-1939) – польский исследователь античности.....	419
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара), <i>Макарова О.М.</i> (Самара). А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы.....	443

III. Публикации

Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы. Вступительная статья, перевод и комментарий А.В. Каргальцева.....	455
---	-----

IV. Хроника научной жизни

<i>Берзон Е.М., Кулишова О.В.</i> Вторая межвузовская студенческо-аспирантская конференция «Античность XXI века» (СПбГУ, 18 марта 2014 г.).....	465
---	-----

<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород). У истоков идеологии принципата (Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа: монография. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2011. – 268 с.).....	468
<i>Климов О.Ю., Холод М.М.</i> Христиан Милета: юбилей ученого.....	478
Памяти Константина Викторовича Вержбицкого (21.09.1973–15.09.2014).....	484
Аннотации.....	487
Abstracts.....	497
Сведения об авторах.....	505
Список сокращений	507
Contents.....	511

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

И.Е. Суриков

**Греческая архаика как историческая
эпоха: современный взгляд.
Первая половина (IX–VIII вв. до н.э.)***

Примерно так же, как озаглавлена эта работа, назвал свою большую статью, вышедшую вскоре после второй мировой войны и посвященную архаической Греции, известный антиковед А. Хейс¹. В то время об архаике писали мало, и работа Хейса сыграла весьма значимую роль в изучении этого периода развития эллинской цивилизации². Однако ныне, перечитывая ее, испытываешь невольное ощущение, будто оказался в позавчерашнем дне, хотя не сказать, чтобы с момента ее публикации прошло уж чрезмерно много времени. Дело в том, что на протяжении истекших с тех пор десятилетий интерес ученых к архаической эпохе был просто-таки чрезвычайно интенсивным. Он имел, можно сказать, «взрывной» характер: одна за другой стали появляться важнейшие монографии концептуального характера³. Это, разумеется, повело к коренному изменению в представлениях об Элладе интересующих нас столетий. Не случайно предисловие к одному из последних по времени коллективных трудов по данной тематике начинается знаменательными словами: «Больше уже ничто не

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект 14-01-00018а) и частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ Статья впервые опубликована в 1946 г. Ссылается на более доступное переиздание: *Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde. Darmstadt, 1969. S. 36–96.*

² К ее общей оценке см.: *Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 25 слл.*

³ Главные вехи этого пути, с указаниями на соответствующие исследования, охарактеризованы у нас в другом месте: *Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 40 слл.*

кажется определенным в изучении архаической Греции... Архаическая греческая история фактически трансформировалась до неузнаваемости»⁴.

Это необходимо учитывать. К сожалению, отечественной историографии вышеуказанные тенденции коснулись лишь в малой степени, и у нас подчас и поныне продолжают писать об архаике в том духе, в каком на Западе писали с полвека тому назад⁵. Это, конечно, прискорбно. Архаическая эпоха имела колоссальное, ни с чем не сравнимое значение в формировании эллинской античности. Это – время рождения «греческого чуда». Соответственно, совершенно необходим современный взгляд на эту эпоху: только он позволит корректно понимать вообще всю историю Эллады.

Главной же особенностью современного взгляда, о котором идет речь, является всё более активное использование археологических источников. Если ранее по архаике чаще писали историки-нарративисты, то в последние десятилетия этот период в гораздо большей степени стал исследовательским полем для представителей классической археологии⁶. Вполне закономерно, что самые главные в данной сфере, этапные работы (такие, как книги Э. Снодграсса, Ф. де Полиньяка, И. Морриса⁷) созданы преимущественно именно на археологическом материале.

Поэтому и мы здесь тоже уделим наибольшее внимание данным археологии. Нам представляется, что для российского антиковедения это сейчас очень актуально, поскольку изложения подобного рода в дефиците: об архаической эпохе у нас чаще пишут по нарративным источникам. В результате картина оказывается неполной; мы попытаемся в какой-то степени уменьшить возникающие в ней лакуны.

Отметим вначале, что при определении хронологических рамок архаической эпохи между историками как таковыми и археологами есть некоторое расхождение. В учебниках истории для нее обычно приводятся даты VIII–VI вв. до н.э. (ранее следует «гомеровский период», или «Темные века» – XI–IX вв. до н.э.)⁸.

⁴ Raaflaub K.A., Wees H. van. Preface // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. XX.

⁵ Характерный пример из числа относительно недавних: *Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.). СПб., 2003.

⁶ См. характеристику этой тенденции с оценкой ее последствий в историографическом очерке: *Davies J.K.* The Historiography of Archaic Greece // *A Companion to Archaic Greece*. Oxf., 2009. P. 3–21.

⁷ *Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980; *Polignac F. de.* La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984; *Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987.

⁸ Об этом периоде см.: *Суриков И.Е.* «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // *Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания*. М., 2012. С. 13–38.

Археология же, как правило, выделяет IX–VIII вв. до н.э. в особый геометрический период⁹, а на долю архаики как таковой в рамках подобной периодизации остаются VII–VI вв. до н.э. Впрочем, любая дискуссия о периодизации – это в известной мере «спор о словах». Мы склонны рассматривать геометрический и архаический период как некую единую совокупность. В данной статье будет освещена, как указано и в ее подзаголовке, первая половина интересующего нас хронологического отрезка, т.е. IX–VIII вв. до н.э.

Именно тогда начинают происходить решающие перемены в судьбе древнегреческой цивилизации, она делает первые шаги к приобретению своего классического античного облика. Разумеется, процесс этот был долгим и непростым, но всё же, если сравнить Элладу в 900 и в 700 гг. до н.э., то сразу бросится в глаза, что перед нами два разных, во многом непохожих общества. В IX в. до н.э. Греция – бедная, слабо развитая страна, еще не оправившаяся от упадка «Темных веков»: практически без городских центров, без зрелищных памятников культуры и искусства, замкнутая в узком мирке Эгейского моря и почти не поддерживающая (за исключением отдельных регионов, таких, как Эвбея или Крит) связи с другими государствами и народами.

А что мы увидим, если посмотрим на эллинский мир хотя бы на рубеже VIII–VII вв. до н.э.? Прежде всего, значительное расширение самого ареала обитания греков, шагнувших за пределы Балканского полуострова. Уже началось колонизационное движение¹⁰, греческие поселения появились на запа-

⁹ См. важнейшее на сегодняшний день исследование: *Coldstream J.N. Geometric Greece 900–700 BC*. 2 ed. L. – N.Y., 2003.

¹⁰ Великая греческая колонизация неоднократно и углубленно изучалась в мировой историографии; можно сказать, что это одна из приоритетных тем современного антиковедения. Укажем ряд классических исследований по данной проблематике: *Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: l'histoire et la légende*. P., 1957; *Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece*. Manchester, 1964; *Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade*. 4th ed. L., 1999 (из многочисленных изданий этой знаменитой книги, впервые вышедшей в 1964 г., указываем последнее по времени, с каким нам доводилось работать). Отметим также относительно недавнюю монографию: *Miller Th. Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse*. Tübingen, 1997 (ее примечательной чертой является то, что автор, в отличие, например, от Дж. Бордмана, уделяет основное внимание не археологическим памятникам, а данным нарративной традиции). Наконец, в самое последнее время одним из крупнейших специалистов в этой области выступит бывший наш соотечественник Г.Р. Цецхладзе, ныне работающий в Австралии. См. хотя бы: *Tsetschladze G.R. The City in the Greek Colonial World // A History of the Greek City*. Oxf., 2009. P. 143–167. Он же – ответственный редактор капитальной двухтомной коллективной монографии: *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1–2. Leiden – Boston, 2006–2008.

де – в Южной Италии и на Сицилии, а также на северо-востоке – в зоне Черноморских проливов, а, возможно, и на самом Черном море. Далее, в полной мере была преодолена изоляция, восстановились и стали чрезвычайно активными контакты с Ближним Востоком¹¹, там возникли эллинские торговые фактории.

В разных областях Греции существуют уже достаточно крупные города, в которых формируется уникальный, ранее неизвестный полисный строй. Большие шаги вперед сделала культура: в частности, была изобретена алфавитная письменность, которую сразу же употребили для записи первых памятников античной и европейской литературы – гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея».

Рождение полиса и археология

Повторим, складывающаяся в Элладе с самого начала архаической эпохи государственность в большинстве случаев приобретала форму полиса, в котором ключевую роль играла община граждан, соединившихся в тесный, сплоченный коллектив. Можно ли проследить этот важнейший процесс на археологическом материале? Да, как раз данные раскопок дают очень многое для понимания того, что происходило тогда в греческом мире.

Полис часто формировался из сельских поселений (которые назывались в разных частях Греции комами или демами) путем так называемого синойкизма: крестьяне принимали решение основать единый городской центр и либо реально переселялись туда из прежних мест своего обитания, либо же оставались там, где и жили раньше, но город становился резиденцией общих, объединенных органов власти, там находились главные государственные храмы, было средоточие торговли.

Раскопки последних десятилетий принесли обильную информацию о генезисе полиса на основе деревень. В частности, в таких крупных центрах, как Афины, Аргос и Коринф, обнаруживаются следы близлежащих деревень, включаемых в разрастающийся город. По несколько иному пути, насколько можно судить, шло развитие критских полисов (Кносса, Феста и др.), где поселения городского характера стабильно продолжали существовать на одних и тех же местах со II тысячелетия до н.э., с минойских и микенских времен. Еще один особый вариант складывания полисной организации имел место, естественно, в колониях, которые возникали сразу как полисы; это тоже засвидетельствовано археологическими данными.

---

¹¹ По этой проблематике главная на сегодняшний день работа: *Burkert W. Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg, 1984.* Есть хороший английский перевод: *Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge Mass., 1992.*

Для полиса с самого начала характерно наличие двух ключевых пунктов. Во-первых, это акрополь («верхний город») ¹² – цитадель, обнесенная стенами и располагавшаяся обычно на холме или в ином труднодоступном для врагов месте (в колониях – иногда на островке близ берега). На акрополе жили правители, находились самые старинные и чтимые святилища. Во-вторых – агора, городская площадь, возникавшая чаще всего неподалеку от акрополя (например, у подножия холма); там происходили собрания граждан для занятий государственными делами, а также велась торговля ¹³.

Акрополь древнее по происхождению, он восходит к ахейским дворцам правителей II тысячелетия до н.э., которые тоже были хорошо укреплены. И в акрополе еще нет ничего специфически полисного. Совсем другое дело – агора. Коль скоро она появилась, то, значит, уже можно говорить о гражданской общине, собирающейся на народные собрания и вершащей судьбу своего государства, то есть существование полиса бесспорно.

В более поздние эпохи агора представляла собой площадь, со всех сторон окруженную импозантными архитектурными сооружениями – постройками общественного назначения, где заседали различные полисные органы власти. Но в начале архаической эпохи, на заре своей истории, агора была еще просто открытым пространством, достаточно обширным, чтобы вместить пришедших на собрание граждан.

Самая ранняя археологически зафиксированная агора в греческом мире (появилась в последней четверти VIII в. до н.э.) открыта в городе Дрерос, на Крите. Крит выступает перед нами в качестве региона, где с опережением проявляются черты прогрессивного цивилизационного развития. И это не случайно, если учитывать, что остров на юге Эгеиды был, как мы уже знаем, с одной стороны, контактной зоной, а с другой – местом, где сохранялись древние традиции. Кстати, интересно, что из того же Дрероса происходит самый ранний известный древнегреческий закон, начертанный на каменной плите ¹⁴. Правда, он датируется несколько более поздним временем – VII в. до н.э. Однако всё равно об этом факте нельзя не упомянуть: ведь наличие писаных законов со временем тоже стало одним из определяющих признаков полиса.

---

¹² О феномене акрополя см. (на примере Афин): *Hurwit J.M.* The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001.

¹³ Об агоре написано колоссально много. Укажем лишь некоторые важные исследования: *Thompson H.A., Wycherley R.E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center. Princeton, 1972; *Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversammlung. В., 1981; *Camp J.M.* The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986.

¹⁴ Текст см.: *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 2–3 (No. 2).

Другим таким признаком можно считать постройку оборонительной стены, окружающей по периметру весь город – центр полиса; ранее был защищенным только акрополь. Со временем почти все древнегреческие полисы обзавелись городскими укреплениями¹⁵; чуть ли не единственным исключением осталась Спарта, жители которой, гордясь своим мужеством и воинским мастерством, демонстративно не считали необходимым возводить стены. А начало этой практике самозащиты было положено как раз в начале архаического периода или даже чуть-чуть раньше. Самая ранняя городская стена (середина IX в. до н.э.) обнаружена археологами в городе Смирна, что находился на малоазийском побережье Эгейского моря, в области Ионии.

Следует сказать, что ученые, как правило, лишь с огромным трудом, да и то лишь очень приблизительно, могут составить представление о внешнем облике ранних греческих городов, о количестве населения в них. Археологические раскопки в некоторых случаях позволяют определить число домов в полисе и реконструировать по фундаментам, как примерно они могли выглядеть. Но очень редко удается раскопать античный город целиком и в «чистом» виде, ведь на его месте, как правило, и в последующие эпохи продолжалась жизнь, оставляя свои следы.

Одно из счастливых исключений – именно Смирна, которая в архаическую эпоху была одним из значительных полисов эгейского побережья Малой Азии. В начале VI в. до н.э. Смирну разрушили лидийцы, и в течение нескольких веков она просто не существовала. В начале эпохи эллинизма город был восстановлен, но не на том же самом месте, а несколько поодаль. В результате остатки ранней (так называемой «Старой») Смирны, не уничтоженные позднейшей застройкой, хорошо поддаются археологическому изучению. Подсчитано, что в VIII в. до н.э. (для этого столетия имеется наибольшее количество данных) на городской территории размещалось около 500 жилищ, что предполагает население около 2 тысяч человек. Но нужно, конечно, учитывать и то, что какая-то часть граждан с семьями обязательно жила не внутри городских стен, а на хоре (хора – сельская местность в древнегреческих полисах).

Очередной опознаваемый археологически признак рождающегося полиса – постройка монументального городского храма, посвященного божеству-покровителю. Ранее, вплоть до IX в. до н.э. включительно, в святилищах стояли только небольшие и довольно неказистые культовые постройки. А теперь, с появлением полисов, в самых сильных и развитых из них гражданам для укрепления престижа своих государств требовались уже более зрелищные сооружения. А с другой стороны, солидарные действия сплотившейся

¹⁵ *Ducrey P.* La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // Sources for the Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1995. P. 245–256.

гражданской общины дали отсутствовавшую прежде возможность сконцентрировать трудовые силы и ресурсы для возведения крупных храмов.

В роли первопроходцев в этой сфере выступали жители острова Эвбеи, который в начале архаической эпохи оставался передовым регионом греческого мира. В середине VIII в. до н.э. в эвбейском городе Эретрии¹⁶, на священном участке Аполлона появился храм – длинная и узкая постройка (35 x 7–8 м) с апсидой на одном из торцов. Как по очертаниям плана, так и по пропорциям она разительно напоминает так называемый «героон» в соседнем Левканди, возникший еще в «Темные века» (в X в. до н.э.); разве что эретрийский храм несколько меньше по размерам. И это сходство, надо полагать, отнюдь не случайно.

Ближе к концу VIII в. до н.э. возникли храмы еще в ряде полисов: первый храм Геры на острове Самос¹⁷ на востоке Эгейского моря (до недавнего времени его датировали началом VIII в. до н.э., то есть даже раньше эретрийского, но теперь от этого отказались), храм Артемиды в Эфесе¹⁸ (Иония) и др. У большинства этих зданий пропорции точно такие же – вытянутые и узкие, да и размеры примерно совпадают. Так, у самосского храма Геры на раннем этапе его истории длина была чуть меньше 33 м, а ширина – 6,5 м. Почему длина имеет такой перевес над шириной? Это объясняется конструктивными особенностями сооружения: храму был, естественно, необходим потолок из поперечных балок, а в рассматриваемый период, на самом начале развития строительного дела, еще не умели изготавливать такие балки достаточно большой протяженности.

Храмы подобной длины – около 30 м – получили довольно широкое распространение в раннегреческой архитектуре. Для обозначения этого типа постройки часто употребляют термин «гекатомпедон», что означает «стофутовый»: древнегреческий фут равняется примерно 30 см, как и современный английский фут.

Изучая территориальное расположение святилищ в ранней Греции, видный французский ученый Франсуа де Полиньяк сделал очень интересное на-

---

¹⁶ Об архаической Эретрии – одном из крупнейших центров греческой цивилизации того времени – недавно появилось обобщающее исследование, выполненное преимущественно на археологическом материале: *Walker K.G. Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 BC.* L. – N.Y., 2004.

¹⁷ Важнейшая монография о Самосе в целом, в т.ч. об архаическом периоде его развития: *Shipley G. A History of Samos 800–188 B.C.* Oxf., 1987. Специально о самосском храме Геры см.: *Kyrieleis H. The Heraion at Samos // Greek Sanctuaries: New Approaches.* L. – N.Y., 1995. P. 99–122.

¹⁸ Об этом знаменитейшем храме, вошедшем (значительно позже) в перечень «Семи чудес света», существует колоссальная литература. См. хотя бы работу выдающегося антиковеда: *Burkert W. Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos.* Wien, 1999. S. 59–70.

блюдение¹⁹. Выяснилось, что одни из этих святилищ находились в центральной части городов, на акрополях, а другая часть – на сельской территории (хоре) полисов, причем ближе к их границам. Более того, оказалось, что для многих полисов характерно наличие обоих этих сакральных центров. Соответственно, де Полиньяк сделал вывод о том, что ранний полис был «биполярной» религиозной структурой, в которой ключевую роль играл не только городской храм, но и крупный храм на хоре, на окраине государства. Между ними как бы устанавливалось незримое «силовое поле», укреплявшее единство полиса как социально-политического организма. Правда, не все археологи безоговорочно согласились с выкладками французского специалиста²⁰.

Именно в течение раннеархаического периода два святилища в эллинском мире выделяются из числа прочих, начинают играть особую роль, фактически становятся во главе религиозной «иерархии». Это святилища Аполлона в Дельфах и Зевса в Олимпии. Они приобрели панэллинское (общегреческое) значение, то есть их влияние далеко распространялось за пределы отдельно взятых государств или областей, их авторитет был непререкаем для всех жителей Эллады. Как Дельфы, так и Олимпия прекрасно изучены археологами, там уже очень давно (с XIX века) ведутся раскопки, и мы теперь очень немало знаем об их истории.

Кстати, почему именно этим двум городам было суждено занять такое положение? Наиболее убедительным кажется вот какое объяснение. Оба величайших храма были расположены на периферии Греции, не в тех регионах, где рождались крупные полисы, а где пока еще торжествовали более примитивные, племенные формы политического объединения²¹. Иными словами, эти культовые центры находились как бы на нейтральной территории по отношению к полисам, не контролировались безусловно ни одним из них. Правда, в Дельфах пытался утвердить свое влияние Коринф, а Олимпией рано начала интересоваться Спарта. Однако всё же «священные города» сохраняли значительную степень независимости, а потому могли считаться более или менее беспристрастными арбитрами – причем не только в религиозных, но даже и в политических делах. Ведь в античном мире религия и политика всегда были теснейшим образом связаны.

Обращает на себя внимание еще одна деталь, рельефно выступившая в ходе археологических исследований. В новооснованные святилища греки сразу стали делать большое количество посвящений – ценных предметов,

---

¹⁹ Polignac F. de. La naissance... См. также дополненное английское издание его книги: Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

²⁰ См., например, возражения: Coldstream J.N. Op.cit. P. 408.

²¹ Об этих формах (т.н. *этносах*) см. наиболее подробно: Morgan C. Early Greek States beyond the Polis. L. – N.Y., 2003.

приносимых «в дар» богам. А в то же время значительно сокращается число вещей, которые клали в могилы при погребении покойных. Это можно интерпретировать следующим образом. До возникновения полисов религия имела преимущественно родовой характер, и центрами сакральной жизни были семейные усыпальницы. А теперь всё изменилось: возникли культы более высокого уровня – общегосударственные. Они-то и выдвинулись на первый план, а их средоточиями являлись уже не гробницы, а храмы.

Важнейшие региональные центры

В период архаики темпы развития различных областей греческого мира были неодинаковыми; более того, расхождение еще усилилось по сравнению с предшествующими веками. Наряду со всё более бурно прогрессировавшими регионами существовали и такие, которые явно отставали.

Так, на начало IX в. до н.э. самыми значимыми городами в греческом мире были: Афины, Левканди на Эвбее, Аргос на северо-востоке Пелопоннеса, Иолк на побережье Фессалии (Северная Греция), Кносс на Крите, Иалис на эгейском острове Родос. А вот к VII в. до н.э. эта география несколько изменилась: одни центры, ранее процветавшие, пришли в упадок или даже прекратили существование, но зато выдвинулись другие, новые.

Эвбея по-прежнему оставалась во многих отношениях самой передовой частью Эллады. Правда, древнейший из крупных городов острова – Левканди – в это время по неизвестным причинам был оставлен населением. Но зато как раз тогда же неподалеку возник другой город – Эретрия, которой было суждено перенять славу Левканди. Синхронность двух событий заставляет поставить вопрос: не имеем ли мы дело просто с перемещением одного и того же поселения на новое место? Напомним, что античное название Левканди неизвестно. С другой стороны, в источниках есть смутные упоминания о какой-то «Старой Эретрии». Весьма вероятно, что эту Старую Эретрию и следует отождествить с Левканди²².

Не уступала Эретрии по значению и силе расположенная к западу от нее Халкида. Однако, если Эретрия прекрасно изучена археологами и продолжает раскапываться, то о Халкиде этого сказать нельзя. Дело в том, что там, где она находилась, и поныне продолжает стоять греческий город с тем же названием. Остатки древнейшего поселения безнадежно скрыты под современными постройками, и добраться до них практически невозможно.

Жители Халкиды и Эретрии были первопроходцами среди эллинов I тысячелетия до н.э. и на путях дальней морской торговли, и в деле основания

---

²² По вопросу об этих идентификациях см., в частности: *Thomas C.G., Conant C. Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E.* Bloomington, 1999. P. 85 ff.; *Coldstream J.N.* Op.cit. P. 373 ff.

колоний. Два могущественных города постоянно соперничали друг с другом, и это окончилось для них плачевно. Из спора о плодородной равнине между Халкидой и Эретрией родилась затяжная Лелантская война²³. Она продолжалась на протяжении ряда десятилетий в VIII–VII в. до н.э., и в ее результате сильно ослабленными оказались обе враждующие стороны. Эвбея перестала быть лидером греческого мира, отошла на вторые позиции.

А как обстояли дела в Аттике, в Афинах? На протяжении большей части раннеархаического периода эта область тоже прочно находилась среди первенствующих в Элладе. Правда, в колонизации VIII в. до н.э. Афины не участвовали (просто не испытывали нужды, поскольку в их обширной области не ощущался земельный голод), но зато в них бурно развивалось искусство. Аттическая школа геометрической вазописи этого периода – не просто лучшая; она оставляет далеко за собой все остальные школы.

Однако на рубеже VIII–VII вв. до н.э. – несколько раньше, чем на Эвбее, – в Аттике тоже вдруг начинает проявляться упадок, который археологи прослеживают по целому ряду признаков. Причины внезапных перемен к худшему по сей день остаются загадкой, предметом дискуссий, и ведущие ученые не могут прийти к единому мнению по этому вопросу.

Что же произошло? Первое, что бросается в глаза археологам, – ненормально большое количество погребений в Аттике, датирующихся второй половиной VIII в. до н.э. Правда, сам этот факт может объясняться по-разному, он не обязательно обозначает резкое (в несколько раз) возрастание смертности. Более того, его можно понимать даже в противоположном смысле: ведь сильное увеличение населения тоже неизбежно ведет к тому, что и могил становится больше. Поэтому один из ведущих современных археологов – Энтони Снодграсс – счел возможным говорить о мощном демографическом взрыве в афинском полисе в VIII в. до н.э.²⁴

Его коллега Иан Моррис предложил иную интерпретацию. По его мнению, рост числа погребений – порождение не демографических, а социально-политических процессов²⁵. На смену жесткой олигархии, при власти которой рядовым общинникам запрещалось хоронить своих умерших подобающим образом, пришел строй, отличавшийся большим равенством между гражданами; бедняки получили право совершать погребальные обряды, что и отразилось в археологических находках. Подобное развитие событий трактуется Моррисом как рождение полиса.

---

²³ См. исследование об этом вооруженном конфликте (написанное, правда, с несколько чрезмерно гиперкритических позиций): *Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte*. Stuttgart, 1997.

²⁴ Собственно, это один из главных выводов его классической книги «Архаическая Греция: век эксперимента» (*Snodgrass A. Op.cit.*).

²⁵ *Morris I. Op.cit. Passim.*

Однако в Аттике того же времени обнаруживаются и еще кое-какие небезытересные вещи. Перестают использоваться и забрасываются многие колодцы. Возрастает число приношений в святилище на горе Гиметт, где Зевс почитался в ипостаси подателя дождя. С каким-то небывалым уважением вдруг начинают относиться к такому расхожему типу сосуда, как гидрия (кувшин для переноски и хранения воды): гидрии начинают покрывать высококлассными росписями, использовать их в качестве надгробных памятников... На основании всех этих данных еще один видный археолог, Джон Кэмп, предложил гипотезу²⁶ о катастрофической многолетней засухе в Аттике, которая породила неурожай, голод, эпидемии и, как следствие, привела к упадку.

Обращает на себя внимание еще и вот какая особенность. Во второй половине VIII в. до н.э. Афины как будто переориентируются в своем развитии, свертывают активные заграничные контакты и замыкаются на своей внутренней жизни. Торговлей занимаются меньше, чем раньше, а земледелием – больше, чем раньше. В результате даже в области вазописи, где Атика прежде безусловно лидировала, она утрачивает художественную инициативу, постепенно отдает первенство Коринфу. В принципе, нельзя исключать поражения Афин в войне с каким-то другим полисом; возможно, это был Аргос, на что есть некоторые смутные намеки в письменных источниках²⁷.

Серьезно возрастает значение и влияние дорийских городских центров, находившихся на востоке Пелопоннеса²⁸. В первую очередь нужно упомянуть область Арголиду, традиционно относившуюся к числу важнейших в Греции. Ведь она еще во II тысячелетии до н.э. являлась главным ядром микенской цивилизации, и сами Микены находились именно там. Однако некогда славная столица Агамемнона, хотя и продолжала существовать, но превратилась в небольшой, захолустный городок. На лидирующую же роль в регионе выдвинулся город Аргос, который существовал и ранее, но уступал первенство Микенам и Тирифу.

Позже Аргоса возник Коринф, но его уникально благоприятное географическое положение – на узком перешейке Истм, связывавшем Пелопоннес с остальной Грецией и делавшем город портом двух морей, с гаванями на западе и на востоке, – естественно, привели к тому, что он быстро начал превращаться в оживленный пункт морской и сухопутной торговли, а соответствен-

---

²⁶ *Camp J.M.* A Drought in the Late Eighth Century B.C. // *Hesperia*. 1979. Vol. 48. P. 397–411.

²⁷ Ср.: *Coldstream J.N.* Op.cit. P. 135.

²⁸ По ранней истории этих полисов см.: *Kδiv M.* Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003.

но – богатеть и процветать. С эпитетом «богатый» он появляется уже в гомеровских поэмах²⁹.

В VIII в. до н.э. в Коринфе сформировался полис³⁰, и практически сразу началась активная колонизационная деятельность. Экспедиции коринфян шли вслед за эвбейцами в достаточно отдаленные места, в том числе в Западное Средиземноморье. Впрочем, в этот период Коринф был еще на пути к своему высшему расцвету, который произошел несколько позже – в VII–VI вв. до н.э.

Особо нужно сказать о Спарте (Лакедемон). В том, что она уже с начала I тысячелетия до н.э. была одним из важнейших дорийских центров Пелопоннеса, причем рано стала полисом, сомневаться не приходится: это известно из письменных источников. Однако археологические находки из Спарты в целом не впечатляют³¹, вести ли речь об архаическом периоде или о любой более поздней эпохе ее истории. Но это объясняется особенностями образа жизни и менталитета спартанцев. Подчеркнуто непритворные и скромные в быту, избегавшие предметов роскоши, не окружившие свой город оборонительной стеной, да и вообще не придавшие ему урбанизированного облика (Спарта была больше похожа на несколько деревень, расположенных поблизости друг от друга), спартанские граждане как бы загадали загадку деятелям современной археологической науки.

Важным и развитым регионом греческого мира, как уже говорилось выше, продолжал оставаться Крит. Причем это относится не только к крупнейшим критским городам, таким, как Кносс, но даже и к второстепенным центрам. Так, в городке Коммос, на южном побережье острова, открыты остатки весьма раннего (рубеж IX–VIII вв. до н.э.) каменного храма. Здание невелико (примерно 8 x 6,5 м), но знаменателен сам факт его появления. Некоторые конструктивные особенности здания вроде бы предполагают, что оно было сооружено финикийцами и посещалось их мореходами, плившими далее на запад Средиземноморья. Однако керамика, найденная внутри храма, относится к местной, критской. Да и построили его, что интересно, отчасти из каменных блоков минойского времени.

---

²⁹ О Коринфе, в том числе архаическом, существует великолепное фундаментальное исследование: *Salmon J.B. Wealthy Corinth: A History to the City to 338 B.C.* Oxf., 1997.

³⁰ Ср.: *Stanley P.V. The Economic Reforms of Solon.* St. Katharinen, 1999. P. 128.

³¹ Разумеется, это суждение не нужно абсолютизировать. Достаточно интересный археологический материал архаической эпохи в Лаконике все-таки присутствует. Чаще всего в данной связи вспоминают о находках, сделанных в ходе раскопок святилища Артемиды Орфии. Но всё же, если учитывать положение Спарты в греческом мире, отразившееся в письменных источниках, ее археологический облик по контрасту выглядит весьма скромным.

В целом археология Крита демонстрирует и для VIII в. до н.э. те же процессы, что и в предшествующий период: связи и с Восточным Средиземноморьем, и с греческими землями, причем теперь не только с Атикой и Эвбейей, но также и с пелопоннесскими центрами – Коринфом, Аргосом.

Разумеется, нельзя не сказать и об Ионии³², которая начинает постепенно превращаться в «жемчужину Эллады». Правда, высший расцвет ее еще впереди, однако уже и в раннеархаический период ионийским полисам, как говорится, было что показать. Уже упоминалось о том, что в Смирне открыта самая ранняя городская стена, а в Эфесе и на Самосе – весьма древние храмы.

Некоторое удивление вызывает еще один регион, который в рассматриваемую сейчас эпоху тоже демонстрирует черты достаточно высокого развития. Речь идет об Этолии – гористой области на западе Средней Греции. В ее религиозном центре – местечке Ферм – находилось святилище Аполлона, и один из его храмов датируется временем не позже VIII в. до н.э. По очертаниям и пропорциям он сильно напоминал первые эгейские гекатомпедоны, хотя и был несколько меньше по размерам (примерно 21 x 7 м), тоже имел апсиду на одном из торцов.

Почему это можно считать необычным? Удаленную от Эгейского моря Этолию впоследствии сами греки всегда считали глухим, отсталым захолустьем, говорили, что населяющее ее племя больше напоминает по образу жизни не эллинов, а варваров: жители даже в мирное время постоянно носят оружие, не брезгают разбоем и т.п. В Этолии ни в архаический период, ни позже так и не сформировалась полноценная полисная организация. И вдруг выясняется, что в ней уже в начале I тысячелетия до н.э. возводились такие постройки, каких почти не было тогда даже в самых передовых регионах Эллады. Вопросы о том, в силу каких условий стал возможен этот ранний «прорыв» этолийцев и почему он потом не получил продолжения, остаются открытым.

Эллины – мореплаватели и колонисты

Если в «Темные века» греки лишь редко выходили за пределы родного Эгейского моря, то архаический период уже с самого своего начала ознаменовался их интенсивными и дальними плаваниями как в восточном, так и в западном направлениях. Первыми шли уже знакомые нам эвбейцы. Восточное Средиземноморье (Левант) влекло их возможностями выгодной торговли. Уже в IX в. до н.э. в Северной Сирии, близ современного местечка Аль-

---

³² Об архаической Ионии написано очень много. См. новейшее исследование, из аппарата которого при желании можно почерпнуть сведения и о предшествующей литературе: *Greaves A.M. The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period. Oxf., 2010.*

Мина, возникла греческая купеческая фактория³³. Это был, судя по всему, небольшой городок (к сожалению, древнее название его неизвестно) с постоянным эллинским населением.

Археологические раскопки показали, что в Аль-Мине среднее на квадратный метр количество найденных греческих вещей IX–VIII вв. до н.э. более чем в 10 раз превышает соответствующую цифру для любого другого места на Леванте. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что в Аль-Мине не было раннего греческого торгового порта, а найденные там изделия, бесспорно, происходящие из Эллады, были привезены исключительно финикийскими купцами³⁴. По вазописным фрагментам видно, что теми эллинами, которые жили и торговали в этой фактории, были преимущественно выходцы с Эвбеи.

По проблеме ранних греко-восточных контактов существуют две крайние точки зрения: одни ученые подчеркивают роль финикийцев в этом процессе, а греков рассматривают как чисто пассивную, воспринимающую сторону, а другие (их позиции особенно усилились после раскопок в Левканди) настаивают на активной морской и торговой деятельности греков-эвбейцев. Есть и средний подход, при котором в эвбейцах и финикийцах видят равноправных торговых партнеров, установивших связи, которые были выгодны обеим сторонам³⁵.

Во всяком случае, эллины выступали в контактах с Востоком не как пассивный объект воздействия, а как активно, сознательно воспринимающая сторона³⁶. И ведь, как правило, не египтяне с финикийцами приезжали учить «отсталых» греков, а, напротив, эти последние отправлялись в далекие путешествия, «мудрости чуждой взыскуя». Финикийцы, бесспорно, не раз прибывали в Грецию (конечно, с торговыми, а не образовательными целями), но вот об их постоянных факториях в Эгеиде, которые могли бы стать источником

³³ См. о ней в отечественной историографии: *Яйленко В.П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 138 слл.

³⁴ Так, некоторым скептицизмом в этом плане страдает работа: *Niemeier W.-D.* Archaic Greeks in the Orient: Textual and Archaeological Evidence // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 2001. No. 322. P. 11–32.

³⁵ Различные оценки роли финикийцев в Эгеиде и Средиземноморье в первой половине I тыс. до н.э. см.: *Coldstream J.N.* Op.cit. P. 374; *Beekes R.S.P.* Kadmos and Europa, and the Phoenicians // *Kadmos*. 2004. Bd. 43. S. 167–184; *Niemeier H.G.* The Phoenicians in the Mediterranean. Between Expansion and Colonisation: A Non-Greek Model of Overseas Settlement and Presence // *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden – Boston, 2006. P. 143–168.

³⁶ К этому см.: *Суриков И.Е.* Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // *Античная история и классическая археология*. М., 2006. С. 79–89.

культурных влияний, что-то не слышно. Напротив, это греки уже очень рано основали такие фактории на восточноредиземноморском побережье (Аль-Мина и др.). Через эти фактории в эллинский мир хлынули потоком восточные новшества. Но привозили эти новшества сами греческие купцы, научившиеся многому на чужбине. Греки заимствовали культурные достижения у восточных соседей не потому, что им кто-то что-то навязывал, а потому что они сами ощущали необходимость таких заимствований. А это говорит о высоком уровне цивилизационного самосознания.

В VIII в. до н.э. начинается Великая греческая колонизация. В этом столетии она идет преимущественно на западном направлении³⁷; прежде всего эллинами начинает осваиваться побережье Италии. Как показали археологические находки, первыми (после микенцев II тысячелетия до н.э.) греческими мореходами в этих водах оказались коринфские купцы: следы их пребывания обнаруживаются примерно с 800 г. до н.э., то есть еще в доколониационный период. Но затем особую активность на западном направлении проявили всё те же вездесущие эвбейцы, которые, возможно, шли по маршрутам, уже установленным финикийцами. Нельзя не поразиться столь активным и дальним плаваниям выходцев из эвбейских полисов: мы застаем их как в Восточном, так и в Западном Средиземноморье, от сирийских берегов до италийских и сицилийских.

Древнейшая колония возникла на островке Питекуссы в Тирренском море, близ Центральной Италии. Между учеными издавна идет спор о том, какой мотив был для греков главным при начале колониационного движения: торговые интересы или поиск новых земель в связи с их недостаточностью во многих областях самой Эллады. Сторонники первой точки зрения считают, что колонии сперва возникали как купеческие порты (эмпории). А по мнению тех, кто разделяют вторую, они сразу основывались как полноценные полисы.

Традиционно считалась, что поселение в Питекуссах подтверждает «торговую» теорию колонизации. И действительно, оно появилось в регионе, где встречались полезные ископаемые, отсутствовавшие в Греции, но крайне необходимые в ней (например, олово, без которого нельзя было изготовить бронзу). С другой стороны, колония на маленьком острове, казалось, не имела предпосылок стать «нормальным» полисом, одним из важнейших черт которого является наличие сельскохозяйственной территории (хоры).

Однако археологические исследования самого последнего времени заставили внести поправки и в это устоявшееся мнение. Выяснилось, что земли на

---

³⁷ В связи с освоением греками этого региона см. прежде всего классический труд: *Dunbabin T.J. The Western Greeks: The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C.* Oxf., 1999 (переиздание монографии, вышедшей впервые в 1948 г.).

Питекуссах, хоть их и было немного, отличались плодородием (это вообще характерно для вулканических почв) и вполне позволяли обеспечивать продуктами питания город с не слишком большим количеством жителей. Питекусская колония имела не только торговый, но и земледельческий характер, то есть при ее основании, очевидно, действовали оба вышеназванных мотива в совокупности, они взаимодополняли друг друга, так что их нельзя противопоставлять по принципу «или – или». И стало явным, что поселение на острове уже изначально являлось полисом, а не чем-либо иным.

Но уже вскоре земель на Питекуссах перестало хватать, и часть колонистов оттуда переселилась на материковое побережье, основав в Италии новый город – Киму (Кумы). Тем самым, кстати, была создана модель, впоследствии неоднократно использовавшаяся в ходе Великой греческой колонизации: вначале основание колонии на прибрежном острове (помимо всего прочего, это было еще и безопаснее, ввиду возможной враждебности со стороны туземного населения), а потом, по прошествии некоторого времени, когда прибывшие эллины чувствовали себя уже увереннее, – аналогичный «прыжок на материк».

Наблюдения над некоторыми предметами женского пользования из могил в ранних италийских поселениях греков приводят к выводу, что эвбейские колонисты, отбывая на новое место, не брали с собой женщин, а затем женились на местных уроженках. Такова вообще была довольно распространенная практика в эпоху колонизации. Отпрыски смешанных греко-италийских браков впоследствии должны были сыграть важную роль в распространении в Италии алфавитной письменности и других достижений эллинской культуры. Возможно, именно один из таких «метисов» был погребен в богатой могиле, раскопанной в Кумах, поскольку при его захоронении был использован отчасти греческий, отчасти этрусский обряд.

Следом за Италией, тоже еще в VIII в. до н.э., но уже в его второй половине, пришла очередь соседней Сицилии³⁸. И тут «пионерами» колонизационного движения тоже стали эвбейцы! Они основали первую сицилийскую колонию – город Наксос, а потом и ряд других. Кстати, в Наксосу уже на самом первом этапе его строительной истории археологическими исследованиями обнаружены элементы регулярной планировки: прямоугольные дома стояли параллельными рядами. Для столь раннего времени это весьма примечательно. Мы лишний раз убеждаемся, что колонии создавались греками сразу же на рациональных принципах.

Но очень скоро, буквально через несколько лет, на Сицилию вслед за эвбейцами пришли коринфяне. Ими был основан полис, которому суждено

³⁸ Конкретно о Сицилии в античности см. относительно недавнее археологическое исследование: *Holloway R.R. The Archaeology of Ancient Sicily. L. – N.Y., 2000.*

было в дальнейшем стать крупнейшим центром античной цивилизации на острове, – Сиракузы³⁹. Интересно, что и он первоначально возник на маленьком прибрежном островке Ортигия. Потом город переместился на саму Сицилию, а Ортигию, которая стала сиракузским акрополем, связали с остальными районами с помощью насыпного мола.

Развитие культуры

Колоссальным культурным достижением, пришедшимся как раз на раннеархаический период, стало появление у греков алфавитной письменности⁴⁰. Это был первый в истории полноценный алфавит, в котором знаки (буквы) означали звуки речи, как согласные, так и гласные; именно он лег в основу всех алфавитов, используемых в Европе и по сей день. Как наша кириллица, так и латиница, употребляемая в западных странах, напрямую восходят к общему предку – письменности античных эллинов.

Когда конкретно греки изобрели алфавит, может ли это событие быть более точно датировано? Здесь опять же на помощь приходит археология. Древнейшие греческие надписи, открытые в ходе раскопок, представляют собой граффити: это тексты (как правило, очень короткие), процарапанные на различных сосудах. А сосуды обычно хорошо поддаются датировке, поскольку для этого археологами давно уже разработаны весьма эффективные методики. Соответственно, удастся установить также, когда были нанесены надписи, и, стало быть, определить время, когда алфавит уже точно существовал.

Еще недавно самая древняя из греческих алфавитных надписей датировалась приблизительно 740 г. до н.э.; она была сделана на ойнохое (сосуде для вина) с Дипилонского некрополя в Аттике. Но недавно появилось два граффити, относящиеся, как считают, к более раннему времени. Правда, датировка одного из них (на наксосском кратере) вызывает сомнения. Тем более примечательно второе, особенно если учесть, что оно происходит не из самой Греции, а из колониального региона, из Италии, причем из такого неожиданного места, как местечко Габии в центральноиталийской области Лаций, неподалеку от будущего Рима⁴¹.

---

³⁹ Есть специальное исследование о Сиракузах, правда, довольно старое: *Mauceri E. Ancient Syracuse. Milano, 1914*. В отечественной историографии архаическая история города (и острова в целом) достаточно подробно рассмотрена в монографии: *Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004*.

⁴⁰ Важнейшим исследованием о происхождении греческого алфавита остается книга: *Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxf., 1963*.

⁴¹ *Tandy D.W. Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997. P. 203*.

Надпись надежно датируется временем не позже начала VIII в. до н.э., а, возможно, даже рубежом IX–VIII вв. до н.э. На небольшом сосуде италийской работы процарапаны пять букв. Если читать их по-гречески (а как же еще?), получается недописанное слово *эвлинос*, что означает «хорошая пряжа». Интересно, что такой эпитет прилагался к греческой богине Илифии, помогавшей женщинам в родах. Может быть, сосуд представлял собой посвящение ей? Безусловно, трактовки столь короткого и неясного граффити могут быть весьма разнообразными (есть мнение, что это вообще владельческая надпись). Но, как бы то ни было, ясно, что греки имели алфавит уже ранее середины VIII в. до н.э.; по некоторым признакам, надписи второй половины столетия отражают уже не «первое поколение» этой письменности.

Напомним, что греческая алфавитная письменность была выработана на основе финикийской. Однако эллины внесли столь принципиальное новшество, которое, собственно, только и сделало это письмо настоящим, полноценным алфавитом в строгом смысле слова. Речь идет о введении букв для обозначения гласных, которых у финикийцев и других семитов не было.

В современной науке нет единого мнения о целях принятия греками алфавитной письменности. До недавнего времени всецело господствовала точка зрения, согласно которой алфавитная письменность была воспринята греческими купцами, причем для чисто коммерческих целей (ведение разного рода записей и т.п.). Но не столь давно была высказана идея о том, что греческая письменность преследовала принципиально иные задачи, а именно запись гомеровского эпоса⁴².

Это суждение звучит парадоксом. На первый взгляд кажется невероятным, чтобы хоть какой-то народ в истории овладевал письменностью с такой совершенно «непрактичной», сугубо культурной целью. Однако же есть ряд обстоятельств, которые со значительной долей вероятности свидетельствуют в пользу именно этого варианта решения проблемы. Один из главных аргументов – то самое введение гласных. Для ведения коммерческой отчетности они, в общем-то, не нужны. Финикийские купцы веками обходились без них и не испытывали никакой потребности в изменении положения. А вот для записи поэтических произведений гласные, действительно, совершенно необходимы (особенно учитывая, что для греческой поэтической метрики и просодии совершенно необходимо, в числе прочего, различать долгие и краткие гласные).

---

⁴² Блестяще аргументированное изложение этого тезиса см., например: *Powell B.B. Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // Classical Antiquity. 1989. Vol. 8. No. 2. P. 321–350.* На эту работу рекомендуем обратить особое внимание, она весьма богата релевантным эпиграфическим материалом.

Кроме этого, уже было обращено внимание на тот факт, что самые первые древнегреческие надписи, датируемые VIII в. до н.э., в достаточно большом проценте представляют собой не что иное, как цитаты из эпоса или подражания ему. Характернейший пример – найденный на Питекусах, в одной из могил, небольшой сосуд для питья – скифос. На нем имеется надпись второй половины VIII в. до н.э., сделанная эвбейским вариантом греческого алфавита⁴³:

Я – кубок Нестора, удобный для питья.

Кто из кубка этого выпьет, того человека

Сразу охватит пыл Афродиты прекрасновенчанной.

В первой строке сосуд как бы говорит «от первого лица» (такое часто встречается в Древней Греции). А вот вторая и третья строки – стихотворные, они представляют собой типичный гомеровский гекзаметр. Нестор – один из героев «Илиады»; упоминается в поэме и его роскошный кубок. Однако именно таких строк, которые здесь приведены, у Гомера мы не обнаруживаем. Очевидно, безымянный автор надписи на скифосе создал вариацию на тему эпоса или, возможно, даже пародию.

А вот столь же ранних документов коммерческой отчетности в Элладе не найдено. Судя по всему, и здесь греки проявили свою уникальность, то, чем они отличались от соседних народов, – сознательный отказ от полностью приземленного практицизма, умение «воспарить над повседневностью».

Мы предложили бы (безусловно, в порядке гипотезы) следующую реконструкцию становления греческого алфавита. Вначале греки просто заимствовали финикийскую письменность, – возможно, действительно с коммерческими целями. Это произошло, судя по всему, уже в IX в. до н.э., невозможно сказать с точностью, где именно, но несомненно, что в какой-то части ареала деятельности эвбейцев, которые, как неоднократно упоминалось, тогда стояли во главе развития всего эллинского мира.

Но уже очень скоро греки поняли, что письменность может выполнять и иные функции, помимо чисто прагматических. Вот тут-то и была поставлена задача записать эпос, и для этого на весьма ранней стадии развития алфавита были введены гласные. Иными словами, можно говорить о двух этапах единого процесса, и в его рамках обе концепции целей введения алфавитного письма находят себе место.

О развитии большинства сфер искусства в течение раннеархаического периода ответственно судить трудно: слишком мало у нас данных. Так, из многочисленных храмов, построенных в это время, ни один не дошел до нас в сколько-нибудь сохранном состоянии; все они известны только по остат-

---

⁴³ Meiggs R., Lewis D. Op.cit. P. 1 (No. 1).

кам фундаментов. А это помогает установить их размеры и реконструировать план, но не позволяет ничего сказать о художественных достоинствах этих архитектурных сооружений.

Из всех искусств только вазапись VIII вв. до н.э. поддается детальному исследованию. В росписях керамических сосудов названных двух столетий всецело господствовал геометрический стиль. Он не стоял на месте, а развивался; ученые выделяют три этапа в его эволюции – раннегеометрический, среднегеометрический и позднегеометрический (на этом последнем этапе, пришедшемся на вторую половину VIII в. до н.э., стиль достиг своего высшего расцвета).

Поверхность сосуда разделялась вазами на декоративные пояса, образованные геометрическими орнаментами, порой весьма сложными. Эти узоры составлялись из различных фигур: зигзагами, треугольниками, ромбами, квадратами, звездами и др. Встречаем мы и древнюю индоевропейскую свастику (символ солнца), и некое подобие шахматной доски с черными и белыми клетками, и меандр – ломаную линию замысловатых, но четко определенных очертаний...

Чем дальше, тем больше на вазах геометрического стиля начинают появляться изображения людей, причем они также включены в орнамент и составляют его часть. Сами человеческие тела как бы «геометризованы», превращены в набор геометрических фигур: туловище передается перевернутым треугольником, над ним – кружок головы...

В позднегеометрическом искусстве разрабатываются уже сцены из жизни людей, композиции с большим числом действующих лиц. Предметом интереса художников становятся то похороны, то сражения, то скачки на колесницах, то кораблекрушение. Наиболее вероятно, что это по большей части не абстрактные сцены, а эпизоды из мифов о героях.

Строгость, цельность, выражение определенной художественной картины мира – всё это делает лучшие произведения геометрической живописи подлинными шедеврами. В первую очередь это можно сказать о великолепной серии огромных позднегеометрических амфор, раскопанных на Дипилонском кладбище в Афинах, в районе Керамик. Эти сосуды более чем метровой высоты, иногда почти в человеческий рост, разумеется, не употреблялись по прямому назначению; они представляли собой пышные надгробия, ставившиеся на могилах афинян из знатных семей. Амфоры датируются примерно одним и тем же временем, и не исключено, что все или почти все они вышли из одной и той же мастерской, в которой работал основной мастер, которого нельзя назвать иначе, как подлинным гением, и его подмастерья, умело, хоть и без такого же таланта, подражавшие ему.

Укажем тут же на еще один примечательный феномен культурной жизни, обозначившийся в VIII в. до н.э. Как отмечают практически все ученые, занимавшиеся этой эпохой, – не только археологи, но также историки и религиоведы⁴⁴ – тогда начинается своеобразный «героический ренессанс», или «микенский ренессанс». Он проявился в резком возрастании интереса греков к собственному прошлому. Дискуссионным остается вопрос, имел ли он место благодаря распространению эпических поэм Гомера или, наоборот, сами эти поэмы стали одним из продуктов «героического ренессанса». В любом случае, два процесса шли синхронно и явно не были изолированы друг от друга.

В древние гробницы II тыс. до н.э. теперь посвящают в качестве приношений различные предметы; таким образом, эти гробницы становятся местами религиозного культа. Не вызывает сомнения, что эллинами архаического периода они воспринимались как погребения тех самых легендарных героев, о которых повествовали мифы.

С пиететом начинают относиться к вещественным реликвиям далекого прошлого. Случайно найденные артефакты бронзового века и более ранних эпох тоже соотносились с древними героями, через это получали высокий религиозный статус и вторично использовались в качестве престижных культовых объектов.

Наконец, как мы уже видели, на вазах геометрического стиля под конец появляются сцены, которые можно интерпретировать как воспроизведение различных сюжетов сказаний о героях. Одним словом, прослеживающееся по многим признакам повышенное внимание к «делам давно минувших дней» говорит о том, что у греков пробуждается уже исторический дух – ведь не случайно потом впоследствии именно в Элладе родилась наука история.

Список использованной литературы

Блаватская Т.В. Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.). СПб., 2003.

Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху: Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004.

Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998.

Суриков И.Е. Рождение «греческого чуда»: восточные влияния и самобытность в архаической Элладе // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 79–89.

---

⁴⁴ Например: *Johnston A.* The Emergence of Greece. Oxf., 1976. P. 84 f.; *Snodgrass A.* Op.cit. P. 68 ff.; *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 120 ff.; *Burkert W.* The Orientalizing Revolution... P. 65 ff.; *Polignac F. de.* Cults, Territory... P. 128 ff.; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 61 слл.

Суриков И.Е. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007.

Суриков И.Е. «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания. М., 2012. С. 13–38.

Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.

Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990.

Beekes R.S.P. Kadmos and Europa, and the Phoenicians // Kadmos. 2004. Bd. 43. S. 167–184.

Bérard J. La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: l'histoire et la légende. P., 1957.

Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. 4th ed. L., 1999.

Burkert W. Die orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. Heidelberg, 1984.

Burkert W. The Orientalizing Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge Mass., 1992.

Burkert W. Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos. Wien, 1999. S. 59–70.

Camp J.M. A Drought in the Late Eighth Century B.C. // Hesperia. 1979. Vol. 48. P. 397–411.

Camp J.M. The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L., 1986.

Coldstream J.N. Geometric Greece 900–700 BC. 2 ed. L. – N.Y., 2003.

Davies J.K. The Historiography of Archaic Greece // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 3–21.

Ducey P. La muraille est-elle un élément constitutif d'une cité? // Sources for the Ancient Greek City-State. Copenhagen, 1995. P. 245–256.

Dunbabin T.J. The Western Greeks: The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C. Oxf., 1999.

Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester, 1964.

Greaves A.M. The Land of Ionia: Society and Economy in the Archaic Period. Oxf., 2010.

Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas / Ed. by G.R. Tsetschladze. Vol. 1–2. Leiden – Boston, 2006–2008.

Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands als geschichtliche Epoche // Zur griechischen Staatskunde. Darmstadt, 1969. S. 36–96.

Holloway R.R. The Archaeology of Ancient Sicily. L. – N.Y., 2000.

Hurwit J.M. The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985.

Hurwit J.M. The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present. Cambridge, 2001.

Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece: A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxf., 1963.

- Johnston A.* The Emergence of Greece. Oxf., 1976.
- Kõiv M.* Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003.
- Kolb F.* Agora und Theater, Volks- und Festversammlung. B., 1981.
- Kyrieleis H.* The Heraion at Samos // Greek Sanctuaries: New Approaches. L. – N.Y., 1995. P. 99–122.
- Mauceri E.* Ancient Syracuse. Milano, 1914.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscription to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989.
- Miller Th.* Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse. Tübingen, 1997.
- Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. L. – N.Y., 2003.
- Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987.
- Niemeier W.-D.* Archaic Greeks in the Orient: Textual and Archaeological Evidence // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. 2001. No. 322. P. 11–32.
- Niemeyer H.G.* The Phoenicians in the Mediterranean. Between Expansion and Colonisation: A Non-Greek Model of Overseas Settlement and Presence // Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. 1. Leiden – Boston, 2006. P. 143–168.
- Parker V.* Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997.
- Polignac F. de.* La naissance de la cité grecque: Cultes, espace et société VIIIe – VIIe siècles avant J.-C. P., 1984.
- Polignac F. de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.
- Powell B.B.* Why was the Greek Alphabet Invented? The Epigraphical Evidence // Classical Antiquity. 1989. Vol. 8. No. 2. P. 321–350.
- Raaflaub K.A., Wees H. van.* Preface // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. XX–XXII.
- Salmon J.B.* Wealthy Corinth: A History to the City to 338 B.C. Oxf., 1997.
- Shipley G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987.
- Snodgrass A.* Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980.
- Stanley P.V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999.
- Tandy D.W.* Warriors into Traders: The Power of the Market in Early Greece. Berkeley, 1997.
- Thomas C.G., Conant C.* Citadel to City-State: The Transformation of Greece, 1200–700 B.C.E. Bloomington, 1999.
- Thompson H.A., Wycherley R.E.* The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center. Princeton, 1972.
- Tsetschladze G.R.* The City in the Greek Colonial World // A History of the Greek City. Oxf., 2009. P. 143–167.

Walker K.G. Archaic Eretria: A Political and Social History from the Earliest Times to 490 BC. L. – N.Y., 2004.

